(Катерина - Никифор, Катерина - Великий Дух).

4. Собственно метафизический код, функционирующий как ряд указаний на иную реальность.

Семиотические структуры рассказа противопоставлены друг другу по линии имитация-реальность. Имитационная ситуация, разворачивающаяся вокруг "лжепокойницы", благодаря межкодовым связям, становится тотальным смыслообразующим принципом. Событийный пласт предстает как единый симулякр, "смешивающий реальное с воображаемым". В связи с этим возникает проблема понимания, выраженная как прямо ("Не поймешь, кто живой, а кто мертвый"), так и опосредованно - через лингвистический универсум текста (персонажи испытывают сложности чисто темпорального характера в обозначении смерти: "Напои хоть нас с покойницей чаем. Она ведь всегда чай любила").

Текст в соответствии с авторской установкой "становится символом высших (или инфернальных) реалий, ... давая читателю ничем не прикрываемое видение бездн", и функционирует как метатекст, как язык общения автора-читателя с метафизической сферой.

Л. И. Миночкина
Челябинск

К. Н. ЛЕОНТЬЕВ О ТВОРЧЕСТВЕ А. Н. ОСТРОВСКОГО

Специальных критических работ, посвященных драматургии А. Н. Островского, К. Леонтьев не писал, однако некоторые наблюдения над ней есть в рецензиях "Новый драматический писатель", "Еще о "Дикарке" гг. Соловьева и Островского", впервые опубликованных в "Русском вестнике" за 1879 год, № 2 и в "Варшавском Дневнике" за 1880 год, № 55, 60, а затем представленных в 8 томе собраний сочинений К. Леонтьева, изданном в 1912 году Саблиным. Эти рецензии до сих пор не переиздавались. В них он анализирует "Женитьбу Белугина" и "Дикарку", написанные Соловьевым совместно с Островским, высказывается относительно других пьес, попутно раскрывает свои эстетические, политические, философские воззрения, в соответствии с которыми анализирует пьесы. Известно, что критик-философ, пророчески видя негативные стороны цивилизации, уничтожающей, на его взгляд, самобытность национальных культур, характеров, контрасты жизни ("мне весь нынешний "цивилизующий" процесс так противен") выступал против прогресса, современных ему революционных тенденций и капиталистического развития,

нивелирующих личность, как он полагал, насаждающих "среднего человека", "утилитарных людей". Для "философа реакционной романтики", как называл его Н. Бердяев, были дороги в жизни и литературе не столько "хорошие и добропорядочные люди, сколько люди выразительные", "потребность яркости, цветности, характерности...". Поэтому критик ценил колоритные, самобытные типы купцов у Островского: "Купцы Островского — это вовсе не те всепожирающие средние люди, которые так нравятся Прудону... Это не те европейцы дурного тона и нестерпимых претензий, которых я не умею иначе называть, как современными хамами. Купцы Островского вовсе не цивилизованные хамы, это богатые русские мужики...". Леонтьеву импонирует в пьесах Островского "живописность, картинность", то, что он "изображает с любовью русскую поэзию купеческого быта", которую "все более переставали понимать... и приучались видеть только темные стороны этой жизни" под влиянием статей Н. Добролюбова. Как видим, Леонтьев следует в высказываниях о драматургии Островского традиции Ап. Григорьева, а не Н. Добролюбова, хотя исходные посылки у него иные.

Но оценка творчества Островского у К. Леонтьева не однозначна. Будучи "величайшим почитателем... таких высоких произведений русского искусства, как "Гроза", "Воспитанница", "Грех да беда", "Бедность не порок", "Бедная невеста", критик в то же время негативно отзывался о тех пьесах, в которых драматург, по его мнению, был "модно тенденциозен" и "тогда сдавал свои позиции как художник". Так, у Леонтьева есть небезынтересное наблюдение, что в пьесах Островского дворянин обычно "пошлый, бесцветный, плохой, немножко даже подлец". Критик замечает, что "большинство дворян теперь для простолюдинов, по крайней мере, не вреднее капиталистов вообще, а что они добрее и благороднее капиталистов иного рода, то это скажут и сами мужики и даже социалисты". Он сравнивает Островского с Тургеневым, "человеком в высшей степени изящным", который "умел изображать людей изящных", а Островский "людей благовоспитанных и изящных изображать никогда не хотел или, вернее, не мог".

К. Леонтьев считает также, что по сравнению с колоритными типами купцов в "Грозе" "честный механик" Кулигин, более других по-немецки одетый, обличающий "весь этот картинный быт", проигрывает в художественном плане, как и "честный Жадов (без всякой поэзии)" в "Доходном месте". Критик пишет, что купцы у Островского "гораздо выше, занимательнее, изящнее и сильнее" правильных Кулигина и Жадова. Таким образом, эстетический критерий ставится во главу угла

критики Леонтьева, а нравственный принцип игнорируется. Неслучайно его называли "эстетическим изувером".

Утверждая, что "комедии Островского никогда не умрут на нашей сцене, Леонтьев в то же время критикует "Женитьбу Белугина" и "Дикарку" прежде всего за негативное изображение героев из дворянской среды, за кажущуюся ему тенденциозность, предлагает даже свой сюжет "Дикарки". Заметим, что тенденциозен сам Леонтьев, подгоняющий под схему своего мировоззрения творчество Островского. Островский изображал жизнь полнокровно, обладая широким демократическим мировоззрением, в отличие от антипрогрессиста Леонтьева и революционера-демократа Чернышевского, который ранее Леонтьева критиковал "Бедность не порок" и другие пьесы москвитянского периода за ослабление критической позиции, за, якобы, идеализацию патриархального быта, яркость которого восхищала Леонтьева. Н. Г. Чернышевский так же, как и К. Леонтьев, но с противоположных позиций, утверждал, что снижение идейного уровня ведет к снижению художественных достоинств. Время показало другое: и "Бедность не порок", и "Женитьба Белугина" пользуются популярностью у наших театров и зрителей.

О. В. Мирошникова
Омск

ВОСКРЕШАЮЩИЙ СМЕХ И ГУБИТЕЛЬНАЯ ИРОНИЯ: ЖАНРООБРАЗУЮЩИЕ МОТИВЫ В ПОЭЗИИ Н. А. НЕКРАСОВА И ЕГО СОВРЕМЕННИКОВ

В 1908 году А. Блок создает статью "Ирония". Эпиграфом служит первая строка стихотворения Н. Некрасова "Я не люблю иронии твоей...". Блок размышляет о болезни своего поколения, которая "сродни душевным недугам", "начинается с дьявольски-издевательской, провокаторской улыбки, кончается - буйством и кощунством". Симптомы недуга людей кризисной, переходной эпохи достаточно очевидны для поэта, он исследует их с настойчивостью медика, занимающегося анамнезом малоизвестной, но опасной болезни, грозящей перерасти в эпидемию. Уничтожающая и самоуничижительная ирония ломает личность, нивелирует ее, подменяя простые чувства и ясные формы их выражения демоническим скепсисом, разъедающим солипсизмом. Мысль Блока носит не констатирующий, но активно противоборствующий характер. Речевые конструкции близки к заклинательным: «Не слушайте нашего смеха,